

Философы и война: почему мудрецы Древней Греции создали императив убийства

Вводная загадка

Перед тем как читать дальше, остановитесь на секунду и подумайте над следующим парадоксом.

Сократ — человек, которого Дельфийский оракул назвал мудрейшим среди живых. Его казнили за то, что он слишком много думал и задавал вопросы. Аристотель — величайший систематизатор знания в истории западной философии, автор «Этики», основатель биологии, логики, риторики. И при этом он написал: «*Варвар и раб — по природе своей понятия тождественные*».^{[1][2]}

Как это возможно? Как один и тот же человек, который учил добродетели, дружбе, *eudaimonia* — процветанию как цели человеческой жизни, — мог одновременно вписать в фундамент западной мысли философское оправдание того, что одни люди «рождены для подчинения», а война против них «справедлива по природе»?^[3]

Это не маленькая несостыковка. Это трещина в самом основании.

И именно она стоит за всем, что мы обсуждали в нашем анализе речей Гитлера и Путина.

Часть I. Карта греческой философии войны

Прежде чем разбирать каждого мыслителя, необходимо понять: греческая философия **не была единой**. Это был живой спор, в котором разные школы занимали диаметрально противоположные позиции — от обожествления войны до полного её отрицания. Эта карта важна, потому что пропаганда всегда берёт **только одну часть** этого спора, замалчивая другие.

Часть II. Гераклит: «Война — отец всего»

Гераклит Эфесский (ок. 535–475 до н.э.) — один из первых, кто поставил войну в центр мироздания. Его фрагмент 53 звучит так: «*Война — отец всего и царь всего: одних она объявляет богами, других — людьми, одних делает рабами, других — свободными*».

Что он на самом деле имел в виду?

Здесь первая важная загадка: Гераклит, вероятнее всего, говорил не о войне в военном смысле, а о **полемосе** — онтологическом принципе конфликта как творческой силы. Для него борьба противоположностей (день и ночь, жара и холод, жизнь и смерть) — это не трагедия, а механизм существования мира.

Исследователи Гераклита предупреждают: его «война» ближе к гегелевскому диалектическому противоречию, чем к военной стратегии. Напряжение между противоположностями — это то, что создаёт вещи, а не уничтожает их.

Загадка для размышления

Но тогда возникает вопрос: если «война» Гераклита — метафора, почему на протяжении 2500 лет её цитируют именно те, кто хочет оправдать настоящее убийство? Почему Хайдеггер использовал именно этот фрагмент для обоснования нацистского «фундаментального противостояния»?

Кто несёт ответственность — автор метафоры или тот, кто её перетолковывает? И есть ли разница, если метафора **устроена так, что её легко перетолковать?**

Часть III. Фукидид: честный цинизм

Фукидид (ок. 460–400 до н.э.) — историк Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой — сделал нечто принципиально иное. Он не обожествлял войну и не оправдывал её. Он **описывал её механику с хирургической точностью.**

Его знаменитая фраза из «Мелосского диалога»: *«Сильные делают то, что могут, слабые терпят то, что должны».*

Что это означает?

Фукидид первым провёл различие между **декларируемыми и реальными** причинами войны: афиняне говорили о справедливости, но действовали из страха перед ростом спартанской мощи. Он не называл это правильным или неправильным. Он говорил: *вот как это работает.*

Именно Фукидид изобрёл разграничение между **непосредственными причинами войны** (конкретный повод) и **глубинными причинами** (структурные противоречия, страх, амбиции). Это разграничение лежит в основе современного международного права.

Загадка для размышления

Фукидид — безжалостный реалист. Он видел, что «справедливость» в устах воюющих сторон — это всегда риторика, прикрывающая интерес. Но если это правда, то следует ли из этого, что справедливость вообще невозможна? Или Фукидид описывает болезнь, а не норму?

Сравните с нашими речами: и Гитлер в 1941 году, и Путин в 2026 году — оба говорят о справедливости. Фукидид сказал бы: посмотри на то, **чего они боятся**, а не на то, что они декларируют.

Часть IV. Платон: война между греками и варварами

Платон (428–348 до н.э.) занял позицию, которая сегодня выглядит поразительно. В «Государстве» он разграничил два вида вооружённого конфликта:

- **Полемос** — война с варварами. Это настоящая война, она допустима.
- **Стасис** — распря между греками. Это болезнь, гражданская война, которую необходимо пресекать.

Прямая цитата из «Государства» (V, 470c–e): *«Греческое племя является своим и родственным, а для варваров оно чужое и иноземное... Когда эллины воюют с варварами, а варвары с эллинами, мы скажем, что они воюют по природе и эта вражда должна называться войной».*

Что здесь принципиально важно?

Платон фактически создал **двойной стандарт**: одни люди (греки) признаются «своими», другие (варвары) — «чужими», по отношению к которым обычные нормы не действуют. Это не просто культурное предпочтение — это **философски обоснованная дегуманизация** на уровне логики, а не эмоций.

Современные исследователи обнаружили в этом тексте нечто важное: само разграничение греки/варвары было **политически выгодно Афинам** как империи, искавшей моральное оправдание своей экспансии. То есть философия обслуживала геополитику. Это не впервые и не в последний раз.

Но Платон сам себе противоречит

В «Законах» — позднем, зрелом произведении — Платон через персонажа «Афинского странника» пересматривает и критикует позицию «Государства». Ряд исследователей полагает, что «Законы» — это **скрытая полемика с Аристотелем**, который принял и радикализировал позицию раннего Платона. Как будто старый Платон ужаснулся тому, что посеял.

Загадка для размышления

Что первично: философия или интерес тех, кто её заказывает?

Если Платон писал «Государство» в эпоху афинской экспансии — не является ли его разграничение греков и варваров просто интеллектуальным оформлением того, что афинские стратеги и так делали? А если да — можно ли доверять любой «философии войны», написанной в период активных военных действий?

Часть V. Аристотель: главный архитектор проблемы

Аристотель (384–322 до н.э.) — воспитатель Александра Македонского — довёл позицию Платона до системного завершения. Именно здесь находится источник той цитаты, которую мы обсуждали.

Что именно он написал?

В «Политике» (Книга I, часть V) Аристотель пишет:

«С момента рождения одни существа предназначены для подчинения, другие — для правления... Тот, кто может управлять с помощью разума, по природе является господином; тот, кто способен лишь воплощать это управление телом — по природе раб; таков же раб и варвар... Поэтому у варваров нет естественных правителей: их сообщество — это сообщество рабов, мужских и женских».

И далее, о войне: *«Охота... против тех, кто рождён подчиняться, но отказывается от этого, является по природе справедливой».*

Это тройная конструкция:

1. Некоторые люди «рождены» рабами (варвары)
2. Держать их силой — справедливо «по природе»

3. Война против них — разновидность охоты

Аристотель сам себе противоречит — и важно понять, почему

Здесь начинается самое интересное. Аристотель был **достаточно честным философом**, чтобы зафиксировать собственное противоречие — он только не смог (или не захотел) его разрешить.

В той же главе «Политики» он пишет: *«Многие правоведы оспаривают это право [военного рабства], как будто оно противоречит конституционному порядку; они ненавидят саму идею того, что тот, кто обладает силой, должен быть хозяином другого»*. И далее: *«Ведь что, если причина войны была несправедливой? И снова: никто не скажет, что он раб, если он недостоин быть рабом»*.

Иными словами, Аристотель **видит разрушительное противоречие своей концепции** — и оставляет его нерешённым. Он признаёт, что теория «природного раба» фактически неverified: единственное «доказательство» рабской природы — это факт поражения в войне, но тогда победа автоматически = природное превосходство. Это круговая логика.

Ряд исследователей считает, что именно это противоречие — **самоопровержение теории природного рабства**, встроенное в её же текст, — является, возможно, намеренным. Аристотель мог создавать не руководство к действию, а **диалектическое исследование** проблемы оправдания власти.

Почему Аристотель это написал: гипотезы

Гипотеза 1: Идеологическое обслуживание

Марксистский анализ Зияда эль-Набулси показывает: Аристотель был состоятельным человеком, живущим в обществе, экономически зависимом от рабства. Его «теория природного рабства» была идеологической рационализацией существующей экономической практики. Это не делает её истинной — это делает её **функциональной для её автора и его социальной группы**.

Гипотеза 2: Воспитание Александра

Аристотель был личным учителем Александра Македонского — человека, который завоевал персидскую «варварскую» империю. Он буквально консультировал воина-завоевателя. Существуют свидетельства, что он советовал Александру «быть деспотом над варварами». Его философия была не абстрактной — она была практическим руководством для конкретного политика.

Гипотеза 3: Ловушка телоса

Фундаментальная ошибка Аристотеля — **онтологическая**, а не политическая. Он верил, что у всего в природе есть *телос* — предназначение. Желудь предназначен стать дубом. Раб предназначен подчиняться. Это красивая идея — и опасная, потому что она превращает **случайные социальные отношения** (кто победил в войне) в **природные законы**. Это та же логическая ошибка, что лежит в основе любого «научного» расизма: *то, что есть*, выдаётся за *то, что должно быть по природе*.

Главная загадка Аристотеля

Сопоставьте две вещи. В «Никомаховой этике» Аристотель пишет: «*Φιλία*» (дружба, любовь) — высшее благо политической жизни; подлинная дружба возможна только между равными. В «Политике» он пишет, что некоторые люди «рождены» неравными по природе.

Как одновременно верить в то, что равенство — фундамент человеческого процветания, и что одни люди рождены для подчинения?

Возможный ответ: Аристотель просто **не распространял своё понятие «человека» на всех людей**. «Человек» в его системе — это взрослый свободный грек мужского пола. Все остальные — неполные экземпляры этого типа. Это не ошибка логики. Это ошибка исходного определения.

Часть VI. Контрголоса: те, кого пропаганда замалчивает

Греческая мысль не была монолитна. Параллельно с Аристотелем существовали философы, чьи позиции прямо противоположны «нарративу убийства».

Диоген Синопский: первый гражданин мира

Диоген Киник (ок. 412–323 до н.э.) — современник Аристотеля — первым в истории назвал себя «космополитом» (κοσμοπολίτης) — гражданином мира. Когда его спросили, откуда он родом, он ответил: «Я — *гражданин мира*» — прямо отказываясь от идентификации через полис.

Диоген последовательно высмеивал идею, что принадлежность к Афинам или любому другому городу делает человека лучше или хуже другого. Он демонстративно нарушал все социальные границы (в том числе ел на рынке, чего нельзя было делать), показывая, что эти границы — **нóмос** (человеческая условность), а не **физис** (природа).

Александр Македонский — тот самый, которого воспитывал Аристотель — пришёл к Диогену и спросил: «Проси чего хочешь». Диоген ответил: «Отойди — ты загораживаешь мне солнце».

Это не просто анекдот. Это **онтологическая декларация**: власть завоевателя не значит ровно ничего перед лицом природного блага.

Стоики: братство человечества

Школа стоиков, основанная Зеноном Китийским (ок. 334–262 до н.э.) и достигшая зрелости в Марке Аврелии (121–180 н.э.), развила идею Диогена в полноценную политическую философию.

Марк Аврелий — римский ермегеот, проведший большую часть правления в военных походах — писал в «Размышлениях»:

«Мы созданы для сотрудничества... Кто нарушает этот принцип, тот бунтует против природы; нельзя ненавидеть даже одного человека, ибо это разрывает сообщество».

Принципиальное отличие от Аристотеля: стоики утверждали, что **разум** (*logos*) — то, что делает человека человеком — присутствует в каждом человеческом существе без исключения. Это не привилегия греков

или свободных мужчин. Это универсальное свойство вида. Следовательно — все люди являются согражданами единого «мирового города» (*cosmopolis*).

Эпикур: выйди из игры

Эпикур (341–270 до н.э.) занял третью позицию: он не оправдывал войну и не выстраивал универсальную этику — он **отказывался от политики вообще**. Его Сад был коммуной выхода из системы. «*Живи незаметно*» (*lathe biosas*) — его главный принцип.

С точки зрения нашего анализа пропаганды, позиция Эпикура интересна: она показывает, что **мобилизационная риторика работает только с теми, кто согласен участвовать в игре**. Тот, кто выходит из пространства национальной идентичности, лишает пропаганду точки опоры.

Часть VII. Почему мудрецы создали «императив убийства»: синтез

Вопрос, который вы задали — «почему они создали этот императив?» — предполагает агентное решение. Как будто Аристотель однажды утром проснулся и решил: «Сегодня я создам философское оправдание геноцида».

Реальность сложнее — и поэтому опаснее.

Причина 1: Они описывали мир, в котором жили

Греческий полис VI–IV веков до н.э. был **войной по умолчанию**. Между греческими городами шли постоянные войны. Персидские нашествия 490 и 480 годов до н.э. создали устойчивый образ «варвара» как угрозы. Рабство было основой экономики.

Аристотель не изобрёл рабство и не изобрёл войну против варваров. Он сделал нечто другое — он **возвёл существующую практику в ранг природного закона**. Это принципиальная разница: описание практики и её онтологизация.

Причина 2: Ошибка телоса — глубочайшая философская ловушка

Телеологическое мышление Аристотеля — убеждение, что у каждой вещи есть природное предназначение — создало логическую ловушку, из которой западная мысль выбирается до сих пор.

Если «природа» может предписывать роли (желудь → дуб, варвар → раб), то **любая власть может легитимизировать себя, апеллируя к природе**. Именно это делает позднейшая «научная» расовая теория XIX века: она переведёт социальное господство на язык биологии.

Цепочка: Аристотель → средневековая схоластика → колониальный расизм → нацистская биополитика. Звенья разные, логическая структура — одна.

Причина 3: Философия всегда встроена в политический контекст

Вот самый неудобный вывод. Аристотель писал «Политику» в период македонской экспансии. Его воспитанник завоёвывал «варварский» мир. Платон писал «Государство» в период афинской гегемонии. Философия, оправдывающая господство, **была выгодна правящим классам общества**.

Это не конспирология. Это социология знания. Идеи, которые выгодны власти, получают финансирование, академический престиж и распространение. Идеи, которые опасны для власти, наказываются.

Пример: Диоген-космополит жил в бочке и был изгнан из своего города. Аристотель-оправдатель рабства руководил лучшей академией своего времени при поддержке самого могущественного правителя эпохи.

Загадка: Кто на самом деле был более «философски свободен» — тот, кто жил в бочке, или тот, кто воспитывал завоевателей?

Причина 4: Страх исчезновения полиса

Здесь важен контекст, который часто упускают. Аристотель и Платон жили в эпоху, когда греческие полисы один за другим поглощались македонской монархией. Их философия политики была в значительной мере **защитной реакцией** на страх исчезновения особого греческого мира.

Нарративы об уникальности греков, о том, что «варвары» не способны к самоуправлению — это, возможно, и попытка **рационализировать ценность того, что они теряли**. «Мы особенные, поэтому нас нельзя завоевать». Когда завоевание всё же происходило — та же логика объясняла его: «значит, нас победили более высокоразвитые греки».

Это та же психологическая конструкция, что работает в обеих наших речах: угрожаемая идентичность производит нарратив о собственной уникальности и природном праве на существование.

Часть VIII. Почему альтернатива не победила

Стоики знали о равенстве людей за 500 лет до рождения Христа. Диоген провозгласил себя «гражданином мира» в IV веке до н.э.. Почему их идеи не стали фундаментом западной цивилизации, а идеи Аристотеля о «природном рабстве» — стали?

Ответ прост и жесток

Аристотелевская система **функциональна для государств, ведущих войны**. Она даёт готовый язык для разграничения «нас» и «их», для оправдания завоеваний, для снятия морального запрета на убийство «природно низших».

Стоический универсализм требует от человека и государства несравнимо большего: признать, что все люди равны, что интересы «чужих» не менее значимы, чем свои, что война — прежде всего трагедия. С такой философией трудно воевать.

История показывает: **идеи, удобные для власти, выживают. Идеи, неудобные для власти, выживают только в маргинальных традициях** — монашеских общинах, утопических текстах, тюрьмах и ссылках.

Марк Аврелий был величайшим воплощением стоической философии — и при этом провёл почти всё правление в непрерывных войнах. Он сам признавал это противоречие, но разрешить его не смог.

Часть IX. Длинная тень: от Аристотеля до наших речей

Теперь возможно сформулировать, что именно унаследовали наши пропагандисты от греческой традиции.

Греческий источник	Механизм	Как это работает в речах
Аристотель: природное рабство	Онтологизация социального неравенства — «природа» освящает господство	«Нацисты планировали геноцид всего народа» = они уже вне человеческого закона
Платон: полемос vs. стасис	Война с «чужими» — норма; конфликт внутри — патология	«Наш народ стеной встал на пути врага» — внутреннее единство как природное состояние
Гераклит: война — отец всего	Война как космологический принцип, а не политическое решение	Война представляется неизбежностью, а не выбором
Фукидид: сильный делает что может	Реализм как снятие моральной ответственности	«Нам просто не оставили выбора»
Стоики: братство человечества	(Подавляется) — универсализм несовместим с военной мобилизацией	Не используется ни в одной из наших речей

Часть X. Открытые вопросы для собственного размышления

Вот ряд вопросов, на которые у исследователей нет окончательного ответа — они сознательно оставлены открытыми.

1. Была ли «ошибка» Аристотеля ошибкой?

Если Аристотель видел собственное противоречие (и текст показывает, что видел), но всё равно написал «Политику» именно так — был ли это интеллектуальный провал или прагматичное решение? Мог ли философ, живущий в рабовладельческом обществе при дворе завоевателя, написать принципиально другую книгу — и не поплатиться за это жизнью, как Сократ?

2. Можно ли отделить великую мысль от её контекста?

«Никомахова этика» — великая книга о добродетели. «Политика» с теорией природного рабства — написана тем же человеком. Означает ли это, что надо отбросить одно из двух? Или существуют методы чтения, позволяющие использовать первое, понимая механику второго?

3. Почему философы нас подводили именно в пограничных случаях?

Философы Греции строили этику на сообществе «своих» (полис, эллины). Когда дело доходило до «чужих», система давала сбой. Почему «свои» и «чужие» — такая устойчивая категориальная пара? Что должно произойти, чтобы она разрушилась — и разрушалась ли она когда-нибудь по-настоящему?

4. Диоген в бочке против Аристотеля при дворе: кто из них был свободнее?

И кто из них думал более честно — тот, кто зависел от мощи завоевателя, или тот, кого эта мощь не интересовала?

5. Главный вопрос

Если бы Аристотель дожил до 1941 года — и увидел, как именно его понятие «природно низших» народов было использовано — изменил ли бы он «Политику»? Или это уже другой вопрос — вопрос об ответственности идеи, которую её автор уже не контролирует?

Послесловие: почему это важно сегодня

Мы начали с вопроса: почему мудрецы создали «императив убийства»?

Ответ, который emerge из этого исследования: они его не «создавали» в смысле изобретения с нуля. Они **философски оформили** то, что их общество уже делало — и в этом оформлении создали инструмент, переживший их самих на тысячелетия.

Опасность не в том, что Аристотель был злым человеком. Опасность в том, что **самый умный человек своего времени**, искренне занятый поиском истины, мог написать текст, который стал философским фундаментом для практик, которые он сам, возможно, не предусматривал.

Это означает: **интеллект не защищает от участия в производстве нарративов убийства**. Защищает только одна вещь — способность последовательно спрашивать: кому выгодно то, что я сейчас думаю? Чьи интересы обслуживает мое определение «человека»?

Именно этот вопрос — Диогенов вопрос из бочки — является самым опасным для любой системы власти. И именно поэтому его так старательно убирают из всех пропагандистских текстов: от речей на съездах НСДАП до парадов 9 мая.

References

1. [Aristotle, Politics \(350 BCE\) - House Divided - Dickinson College](#) - Wherefore Hellenes do not like to call Hellenes slaves, but confine the term to barbarians. Yet, in ...
2. [Was Socrates' Trial and Subsequent Death Penalty Legally Just?](#) - Historians have presented the trial of Socrates as a parody, claiming that the Athenian philosopher ...
3. [Politics by Aristotle - The Internet Classics Archive](#) - Wherefore Hellenes do not like to call Hellenes slaves, but confine the term to barbarians. Yet, in ...